

**Фархад Карагусов,**  
член Международной академии сравнительного права (IACL),  
доктор юридических наук, профессор,

### **Будущий Цифровой кодекс Казахстана как акт кодификации**

Дискуссии о том, насколько обоснованным является принятие Цифрового кодекса в Казахстане, сохраняют свою остроту несмотря на то, что Мажилис уже принял этот законодательный акт во втором чтении и передал его на рассмотрение в Сенат. В обсуждениях по этому вопросу используются разная аргументация, от малозначительных доводов формально-юридического характера (непредусмотренность принятия цифрового кодекса в действующем законе, маленький объем и небольшое количество статей, бланкетность или отсылочный характер каких-то норм) до более или менее предметного рассмотрения содержания проекта кодекса (включая выражение сомнений относительно того, есть ли у цифрового кодекса самостоятельный объект или предмет регулирования).

В казахстанской правовой теории отсутствуют современное полноценное учение о кодексах и кодификациях. Однако с учетом иностранных источников и законодательного опыта, в том числе в исторической ретроспективе, представляется целесообразным общее понимание кодификации как «операции по сведению разнообразных норм в форму единого целого» применительно к определенной области права.

Конечно же, наиболее правильным подходом является то, чтобы любая кодификация: (i) основывалась на доктрине, чье значение в этом случае велико, и (ii) осуществлялась на основе теоретического анализа техники кодификации, который должен предшествовать разработке кодекса.

Вместе с тем, потребность в кодификации может возникнуть в отсутствие доктрины, когда обстоятельства и интересы развития требуют создания кодекса как бы с листа. В такой ситуации наряду с наиболее распространенным методом кодификации – компиляцией уже существующих норм, осуществляется кодификация-реформа, то есть внедрение новых идей и правовых конструкций, позволяя ввести в оборот инновационные, но глубокие по смыслу и плодотворные правовые идеи.

Кабрияк подчеркивает, что «всякая кодификация появляется тогда, когда сначала назревает социальная потребность общества в правовой определенности, и когда затем эта потребность общества становится потребностью власти, обладающей достаточно сильной политической волей».

Мне думается, что в Казахстане оба упомянутых фактора (и именно в этой последовательности) проявились. Прежде всего, столь быстрое проникновение цифровых технологий практически во все сферы

общественной и частной жизни граждан сформировало общественный запрос на то, чтобы обеспечить правовую защиту прав всех участников сферы частноправовых отношений в рамках функционирования цифровой среды (законодательно признав таковые), а также обеспечить охрану государственного суверенитета Республики, прочности нашего национального правопорядка и соблюдение предусмотренного нашей Конституцией всеобщего блага. А поручение Президента К. Токаева о скорейшем принятии Цифрового кодекса (сейчас я не анализирую его идею о «трансформации Казахстана в полностью цифровое государство»), видится проявлением той политической воли, которая лежит в основе именно кодификации.

Будучи изначально скептиком идеи принятия цифрового кодекса, которая возникла несколько лет назад среди преимущественно специалистов в области информационных технологий и цифровизации, к моменту упомянутого поручения Главы государства я посчитал своим гражданским и профессиональным долгом содействовать разработчикам проекта Цифрового кодекса с тем, чтобы он реализовался, прежде всего, не создав угрозы разрушения действующей правовой системы нашей страны.

Чуть позже, получив возможность взаимодействовать с депутатами Парламента и некоторыми другими членами рабочей группы по разработке проекта Кодекса (и теперь преисполненный благодарности к ним за внимание к моим комментариям и предложениям относительно структуры и содержания проекта), я пришел к выводу, что он может (а по сути – должен) стать основой давно назревшей реформы нашего права по существу, включая модернизацию гражданского законодательства, формирование полноценной смешанной правовой системы (*mixed jurisdiction*), как и создание целесообразной и обоснованной правовой основы для существования и развития разумной и эффективной цифровой среды в нашей стране с возможностями равноправной и безопасной интеграции национальных систем в трансграничные, региональные и глобальные системы и инфраструктуры.

Очевидно, что в эти два месяца интенсивных обсуждений и взаимодействия относительно проекта Цифрового кодекса мы были лишены двух важных условий, обеспечивающих эффективность любой кодификации: (i) наличие разработанной доктрины так называемого «цифрового права» и (ii) достаточность времени, предоставляемого в распоряжение кодификаторов, что имеет значение важнейшего фактора в выборе между компиляцией и кодификацией (то есть в выборе способа кодификации).

Однако разработчики проекта с самого начала за основу приняли еще одно важнейшее условие эффективности кодекса: проект разработан так, что его содержание приспособлено к тому населению, чьи права и

обязанности он призван регулировать; он в необходимой степени отражает чаяния казахстанского общества, ради которого он разработан.

В силу отмеченного выше основания для ускорения принятия Цифрового кодекса фактор времени не мог даже обсуждаться. А теория «цифрового права» (которая сегодня даже на глобальном уровне не может рассматриваться как упорядоченная система правовых знаний в этой области, получившая преобладающее согласование и признание) может развиваться с накоплением, аналитической обработкой опыта и научным обобщением получаемых сведений и знаний в процессе дальнейшего развития и функционирования цифровой среды в Казахстане. Но уже – в условиях функционирования Цифрового кодекса.

Значимость казахстанского Цифрового кодекса заключается не только, и не столько, в компиляции и развитии действующих норм права (в частности, в области электронного документооборота и информатизации), но в том, что он должен послужить основой правовой реформы в двух важных направлениях социально-экономического развития нашего общества – регулирование цифровой среды в целом и модернизация законодательных основ частноправовых отношений. В связи с этим Цифровой кодекс готовился с использованием обоих способов кодификации – компиляция и формирование инновационных для казахстанской правовой системы юридических решений.

У Цифрового кодекса есть свой предмет (объект) регулирования – общественные отношения, возникающие и реализующиеся в цифровой среде по поводу или в связи с формированием, использованием и оборотом цифровых записей и цифровых объектов. Это та огромная область общественных отношений, которая в настоящее время не регулируется или регулируется весьма фрагментарно, причем в отсутствие основополагающих принципов необходимого регулирования и единого категориального аппарата, которые бы объединяли существующие и принимаемые в будущем правовые акты, как и в отсутствие необходимой связи с другими отраслями казахстанского законодательства. Думается, что этот пробел в достаточной на данный момент степени устраняется принятием Цифрового кодекса (в том числе за счет определенного количества необходимых сейчас бланкетных и отсылочных норм).

Важнейшим достижением мне видится то, что согласно Цифровому кодексу цифровая среда будет регулироваться преимущественно как сфера частноправовых интересов, в рамках которой уточняется правовой режим различных видов цифровых объектов, которые признаются объектами гражданских прав; устанавливается, что именно в соответствии с Гражданским кодексом защищаются имущественные права на различные цифровые объекты, а также распространяется гражданско-правовой режим защиты личных неимущественных прав в отношении, например, прав

субъектов цифровых данных, содержания идентификационных цифровых записей, цифровой идентичности граждан.

Кодекс также содержит множество правовых инноваций, в том числе в вопросах правового регулирования частноправовых отношений. В числе таких, но не ограничиваясь только их перечислением, можно назвать введение в категориальный аппарат казахстанского законодательства понятий «публичный интерес», «цифровой кондоминиум», так называемые «право на забвение» и «цифровая идентичность», другие юридические понятия с определением конкретных правил регулирования или применимого правового режима. Очень важным является обоснованный отказ разработчиков Кодекса от введения в законодательство понятия «цифровые права», до сих пор остающегося концепцией, по крайней мере, недостаточно обоснованной с юридической точки зрения.

Особо интересным представляется отражение в Кодексе, по крайней мере, основных элементов правового режима публичного имущества / объектов публичного интереса (в правда, пока только в отношении национальных цифровых объектов), позволяя обеспечить имущественные и иные правомерные интересы неопределённого и многочисленного круга лиц, в первую очередь – казахстанских граждан.

Все это - концепции, которые относятся к сфере частноправового регулирования, но в столь жестких временных условиях, в отсутствие прочной доктринальной основы регулирования цифровой среды и методологии юридических кодификаций не могут сегодня включаться в состав Гражданского кодекса без угрозы разрушения основополагающего законодательного акта частного права.

При этом, они являются концепциями, относящимися к уровню основных категорий гражданского законодательства, отношениям собственности, защите имущественных и личных прав, определению правового режима публичного и частного имущества, создающими основы для правовой институционализации юридических лиц публичного права и решения других задач модернизации гражданского законодательства. Это является еще одним обстоятельством, обосновывающим соответствующее регулирование частноправовых отношений нормами кодекса (в данном случае – положениями Цифрового кодекса).

В то же время практика применения Цифрового кодекса позволит создать плодотворную основу как для теоретического осмысления и обоснования вопросов правового регулирования цифровой среды, так и для дальнейшего развития казахстанской правовой системы.

*07 декабря 2025 г.*